

БРАК и РЕВОЛЮЦИЯ

Перевод с французского, комментарии и дополнения редактора Vive Liberta

Восхищавший одних, ненавидимый другими, Бертран Барер де Вьезак - учредитель департамента Верхних Пиренеев. Следующие несколько строк напоминают, что он взял в жены молодую викуазку. Дочь королевского нотариуса и судьи, Катрин де Монд всю свою жизнь будет разрываться между любимым человеком - цареубийцей, и матерью, мещанкой и убежденной роялисткой, которая никогда не простит зятю этого непоправимого деяния. Повинуясь ей, Катрин живет в заключении во время редких появлений мужа, и улица Траверзьер, как будто для того чтобы надежней скрыть эту несчастную любовь, навсегда закроется после смерти обоих супругов.

Бертран Барер де Вьезак родился 10 сентября 1755 г. в Тарбе. С июля 1775 года, когда ему не было еще двадцати, он адвокат парламента Тулузы.* Советник сенешаля Бигорра на следующий год, в 1785 он «устроен». Ему тридцать лет.

14 мая этого года он женится на Катрин-Элизабет де Монд, дочери Антуана де Монда, нотариуса и королевского судьи в Вик-ан-Бигорр, и Терезы де Брике. Бертран Барер - мужчина в расцвете сил, Катрин де Монд - подросток, которому нет еще тринадцати лет.**

У Мондов, с XVII века передававших профессию нотариуса и судьи от отца к сыну, и в среде викуазской буржуазии церемония брака иная, чем у мелких ремесленников и крестьян, которые сочетаются браком *при свете дня*. Последнее, впрочем, весьма рекомендует Церковь.

Здесь, к семи или восьми часам вечера, все отправляются в дом будущей новобрачной, которая уже ожидает в белом платье. У папы де Монд составляется брачный контракт, затем приступают к гражданской церемонии, и все присутствующие расписываются в книге. Катрин-Элизабет подписывается «Биби де Монд». До полуночи следует угощение, затем все отправляются в церковь Сен-Мартен, где религиозная церемония заканчивается к часу утра. Проводит ее Жан-Пьер Барер, брат Бертрана и кюре Орьеба, который соединяет супругов. «Толпа была там очень многочисленна, и церковь залита светом», - свидетельствует Барер в мемуарах. Можно отметить, что нет вечеринки, продолжающей это событие. После мессы все расходятся по домам. Это противоречит народным обычаям. Кое-кто говорит, что страх перед «сглазом» объясняет такой обычай ночного брака, строго осужденный церковью. Возможно... Но, скорее, это страх встретить местных жителей, не всегда дружелюбных в своих демонстрациях. Вспоминаются беспорядки «шаривари» при повторном браке.

Бертран Барер кладет в корзину новобрачной... куклу, но Катрин не хочет разлучаться с мамой. Тогда он обязывается, если не находится в Вике или Тарбе, выплачивать ежегодную пенсию 1500 ливров, «чтобы содержать и кормить молодую семью и слуг». §

После нескольких недель деревенской жизни в Аржеле, Вьезаке, Баньер-де-Бигорр и Люшоне супруги разъезжаются. Почему? Барер не может больше выносить свою тещу, Терезу де Брике, настолько она «сварливая, властная, высокомерная ханжа». Это верно - де Брике очень далеки от новых идей. Они были первыми в списке подозрительных, которым назначалось обязательное местопребывание в эпоху Террора. Семьи Мондов и Брике живут у западного въезда, по ту и другую стороны улицы Траверзьер, очень оживленной в те дни. Сто лет тому назад эта улица – одна из наиболее посещаемых викуазцами, жизненная артерия центра города. Поток пешеходов, пришедших из Тарба или других мест, разливается по этой несуразной улице, где с трудом могут разъехаться две тележки. Именно по этой причине в 1899 году она была закрыта.

* Во Франции XIII-XVIII вв. парламентами наз. верховные судебные палаты, помимо судебно-юридических осуществлявшие некоторые административные функции (в част., строительство и содержание дорог, церквей, больниц, тюрем; контроль за деятельностью муниципальной администрации и профессиональных гильдий и др.). Парламентов было всего 12: в Париже, Тулузе, Гренобле, Дижоне, Бордо, Руане, Эксе, Ренне, По, Меце, Дуэ, Безансоне, - и 3 высших совета – в Кольмаре, Аррасе и Перпиньяне. Подробно см. http://enlightment2005.narod.ru/papers/bergo_parlm.htm.

** Разница в возрасте довольно обычная по тем временам. См., к примеру, очерки Нины Эптон: http://enlightment2005.narod.ru/science/ept_amour_xviii.htm.

Четыре года Барер разрывается между Тулузой и Виком. В апреле 1789, тщетно надеясь на место от Второго сословия – отсутствуют четыре восходящих линии родства, - он находится в рядах «буржуа», как называют депутатов Третьего сословия, в Генеральных штатах от Бигорра. Продолжение известно. Избранный в Конституанту вместе с Жаком Ривьером (кюре Вика, избранником от духовенства), 4 августа 1789 года он голосует за отмену привилегий, отказывается от права на титул сеньора Вьеака, от доходов отца, скончавшегося в предыдущем году, в приходах Эйзак-О, Прешак и Узу, оставляет пост советника при сенешале Бигорра, который ему стоит 8000 ливров ежегодной ренты, - и всё в порыве патриотизма. Об этом он будет жалеть всю жизнь. «Ни один судья, ни один первый председатель, ни один богатый парламентарий не сделал того же», - с горечью скажет он.*** §§

В январе 1792 он приезжает в Вик-ан-Бигорр, где встречает семейное непонимание. Теща в ярости на якобинцев, жена сожалеет, что депутаты Законодательной Ассамблеи нигде не проявляли религиозных принципов! К счастью, в Тарбе ему вручается почетное знамя в честь работ вышеупомянутой ассамблеи. §§§

Избранный депутатом от Верхних Пиренеев в Национальный конвент и сделавшийся его председателем, он голосует за смерть короля, что глубоко противно его убеждениям. Двусмысленность этой позиции и противоположность между действиями и характером делают из этого человека пропасть противоречий. Образованный человек, блестящий оратор, который в заключении своих речей, не смущаясь, показывает лицо, омываемое слезами, Барер в своей похвале Людовику XII возмущается, что процедура судопроизводства больше похожа на глухой заговор против обвиняемого, чем на беспристрастное расследование преступления. При допросе Людовика XVI он ведет себя тактично. Его мужество проявляется в твердости позиции. Он спасает от ножа (гильотины) скульптора Удона, Эрмана, пианиста королевы, красавицу Жюльетт Бернар, которая будет украшением хорошего общества при Империи и Реставрации.**** §§§§

В нашем департаменте, в разгар террора он без колебаний сохраняет неприкосновенность прокурору сенешальства Бигорр, Мишелю Перэ, который пытается послать письмо монсеньеру Гэну де Монтеньяку, епископу Тарба, изгнанному в Монтсеррат, в Испанию. Другие, проскрибированные и обвиненные в жирондизме, обязаны ему жизнью, а соотечественники признательны ему за неоценимый вклад в учреждение департамента Верхних Пиренеев.

Несмотря на это преобладающее чувство, которое ему стоит шести или семи мандатов в революционных или императорских ассамблеях, противники «клана» Барера не щадят пиренейского депутата в суровой критике, которая больно его задевает. Измученный, он считает «тарбцев» «вздорными и завистливыми», «любопытными, как все люди этого края», и «жадными и претенциозными». «Общество патриотов» отвечает ему в «Голосе Пиренеев» от 5 мессидора V года (1796) кислой эпиграммой:

Маленький мещанин
маленького происхождения,
в коллегии адвокатов маленький оратор,
среди выдающихся людей
плетет он маленькую интригу,
очень маленький писатель,
маленький законодатель,
этот мошенник, столь превозносимый, -
Словом, этот Бертран Барер
был бы во всем маленьким человеком,
когда б он не был большим плутом! §§§§§

*** Не располагая достоверной информацией, мы не можем ничего утверждать наверняка. Но, поскольку брак Барера и Катрин-Элизабет – это брак по расчету, семействам Мондов и Брикэ доходы Барера были вовсе не безразличны. И, может быть, причины «семейного непонимания» (см. далее по тексту) следует искать не только и не столько в идейных и политических расхождениях, сколько в поступке Барера 4 августа 1789 года?.. Процесс и казнь Луи XVI станет лишь «последней каплей».

**** *Жюльетт* (Жюли-Аделаида) *Бернар* – это будущая мадам Рекамье, Жанна-Франсуаза (1777-1849). В 1793 году ей было 16 лет; что именно ей угрожало, была ли она арестована, внесена в списки подозрительных и проч., - информации об этом у нас нет. И мы будем благодарны за точные сведения. *Скульптор Удон* – речь идет, по всей видимости, о Жане-Антуане Удоне, или, по традиции нашей литературы, Гудоне (1741-1828), авторе знаменитых бюстов Руссо, Вольтера, Дидро, Кондорсе, Барнава и так далее. Материалов о нем много на всех языках. В период ВФР «он был не в чести, хотя избежал тюрьмы» (Википедия).

Неоднозначный и смелый персонаж, так террорист ли Барер? С 1-го июня 1793, на следующий день после падения жирондистов****, его напыщенный и уравновешенный язык становится синкопированным и неистовым. 5 сентября он организует систему Террора. 26 декабря он способствует принятию закона о подозрительных. Наконец, он одобряет кровавые репрессии по приказу Фуше в Невере, расстрелы, производимые Колло д'Эрбуа и Фуше в Лионе, экзекуции Барраса и Фрерона в Тулоне, Изабо и Тальена в Бордо. И что говорить о совместном с Бийо-Варенном воодушевлении Жозефа Ле Бона, проконсула в Аррасе, продолжать революционный образ действий - в таких выражениях: «Предайтесь вашей энергии, ваши полномочия неограниченны. Комитет аплодирует вашим мерам». Камиль Демулен жалит его в своей обвинительной речи, которая заканчивается так: «О! Милое дело – совсем не иметь принципов, уметь ловить ветер, и счастлив тот, кто является флюгером!» После 9 термидора напуганные члены Комитета общественного спасения неистовствуют, угрожают, оскорбляют и декларируют депортацию Колло д'Эрбуа, Бийо-Варенна и Барера. Воспользовавшись сильным покровительством, Барер избежит судьбы своих товарищей по несчастью. Тибодо - монтаньяр, ставший префектом при Наполеоне, - произносит ужасающе разоблачительную фразу: «Впервые он не следил за ветром».

Двадцать лет спустя он признает, что уступил моменту и сказал Ромигьеру, в кафе Демар на углу улиц Бак и Университета, слова, переданные доктором Вероном: «У нас было одно-единственное чувство, сударь, - чувство самосохранения, одно желание - сохранить наше существование, которое, считал каждый из нас, находится под угрозой; мы заставляли гильотинировать соседа, чтобы сосед не заставил гильотинировать нас самих». В конце своей жизни он повторяет также: «Я вовсе не создавал моей эпохи, эпохи революций и политических бурь, чреватых страстями, интересами, нуждами, восторженными чувствами, систематическим взяточничеством, публичными насмешками и предательствами; я вовсе не создавал моей эпохи, а лишь обязан был ей подчиняться». §§§§§§

Этот поклонник Жана-Жака Руссо, которого чтение «Эмиля» заставляет плакать, этот путешественник, который любит подавать милостыню, только бы она распределялась в присутствии прохожих, этот завсегдатай салонов мадам Жанлис, гувернантки детей Орлеана, не избежит семейного кораблекрушения, которое навсегда оставит на нем отпечаток.

Жена и теща написали ему, умоляя спасти короля. После казни они больше не увидятся с ним. Прошло время, когда юная семнадцатилетняя супруга торопит посыльного, который, догоняя экипаж депутата в Мобурге, просит его возвратиться в Вик, чтобы она могла еще раз обнять его.***** Барер возвращается, и Катрин-Элизабет выказывает столь сильное волнение, что обеспокоенный предчувствием муж не может удержаться, чтобы не сказать: «Значит, вы опасаетесь никогда меня не увидеть снова?» Он появляется снова - десятью годами позже, в 1803, - но напрасно, и ставни на улице Траверзьер закрыты. И снова - в феврале 1814, немногим раньше, чем войска герцога Веллингтона, преследующие маршала Сульта, проходили через Вик, - но дом закрыт. §§§§§§

3 марта 1824 перед Этьеном де Силаком, мировым судьей кантона Вик-ан-Бигорр, предстает мадам Барер Вьезак, пятидесяти одного года, которая заявляет, что прекратила все отношения с мужем вот уже тридцать лет! Что, не имея детей в браке, она желает удочерить Элизабет де Брике, свою племянницу, 21 года, супругу Селестена Дуйо, мирового судьи кантона Мобург, дочь Доминика де Брике и Шарлотты Артигнав. В течение шести лет до ее совершеннолетия она расточала ей помощь и постоянные хлопоты.

**** Неточность авторов оригинальной статьи: изгнание жирондистов из Конвента произошло 2 июня 1793 года.

***** Мобурге – так называлась центральная площадь в Тарбе и так же называется кантон, расположенный на несколько километров северней Вика, через него шла дорога на Париж. Очевидно, что здесь речь идет о кантоне.

В январе 1839 Бертран Барер изливается со своей обычной напыщенностью: «Господин Барер де Вьезак, который с 1789 до 1815 был членом Учредительного собрания, Национального Конвента и Палаты представителей, жив еще, милостью Провидения; ему 85 лет, и этот индивид, который живет наконец спокойно у подножия Пиренеев, это я».

Двумя годами позже, 13 января 1841, он тихо угаснет на руках у Мари Ле Фоконье, подруги дней ссылки.***** ssssssss Его жена скончается в Вике 13 февраля 1852, в присутствии ее приемной дочери Элизабет де Брике. Прах ее покоится на старом кладбище, на берегу Эшез. В 1867 году - последняя неприятность: из-за паводка пришлось переместить останки, захороненные в верхней части кладбища. По иронии судьбы, 12 июня 1884 года викуазский муниципалитет решает присвоить имя Барера де Вьезака улице Восточной, а в 1899 г. - закрыть перпендикулярную улицу Траверзьер из-за ее узости. Нет, решительно, предназначено было ранним утром 21 января 1793 года, чтобы депутат Конвента больше никогда не увидел свою Катрин-Элизабет.

Сегодня улица Траверзьер, перегороженная отелем-рестораном «Ле Ревербер», выходит на простор между домом Брике, на нашей левой стороне, и исчезнувшим домом нотариуса Монда, на нашей правой стороне.*****

***** О Мари-Маргерит Ле Фоконье нам пока неизвестно никаких подробностей. Отметим только, что Катрин-Элизабет, как добрая католичка, по-видимому, не требовала развода и не согласилась бы на развод, даже если об этом просил Барер. Ле Фоконье отправилась в Бельгию вместе с Барером после Реставрации и возвратилась вместе с ним в Тарб; итого, этот союз просуществовал как минимум с 1815 года до 1841.

***** Улицы Барера де Вьезака в Вик-ан-Бигорр, видимо, больше нет. В начале 20-го века там размещался коллеж для девочек, преобразованный потом в Высшую женскую школу. По решению муниципалитета 8 августа 1904 г. этот район подлежал полной перепланировке.

А вот авеню Бертрана Барера в Тарбе, префектуре деп.Верх.Пиренеев, ведущая от городского вокзала к центральной площади Вердун (быв.Мобург, быв.Революции), благополучно существует.

Библиография:

- Revue des Hautes-Pyrénées 1908 - "Bertrand Barère" - Fernand de Cardaillac.
Revue des Hautes-Pyrénées 1910 - "Bertrand Barère a-t-il laissé des descendants ?" - Norbert Rosapelly.
Revue des Hautes-Pyrénées - mars avril 1923 - "Sur le Conventionnel Barère" - M. Ducasse.
Jean-François Soulet - "À propos des mariages nocturnes d'autrefois" - Journal "Sud-Ouest" du 26 septembre 1955.
Sous le titre "Mariage et Révolution", article paru dans "Présence", revue mensuelle du Centre de Tarbes, GIAT Industries - n° 88, de mars 1991 - Claude Larronde.

Оригинальная статья «Mariage et Révolution» :

<http://perso.wanadoo.fr/monuments/Decouvertes-5.html>

Дополнение

по материалу научно-исследовательского Центра проблем демократии в Реннском университете: **Yann-Arzel Durelle-Marc. Des femmes-citoyennes : aperçu sur les caractères de l'activité politique des femmes au début de la Révolution (1788-1790)**. III. Des femmes-citoyennes : volonté participative et tradition. A. La légion des Amazones de Vic-en-Bigorre (Hautes-Pyrénées): une volonté de participation et d'action collective (<http://www.chd.univ-rennes1.fr/>)

Автор анализирует архивные документы, относящиеся ко второй половине июля 1790 года (после Праздника Федерации). Легионы амазонок, создаваемые в Вике с одобрения и при поддержке муниципалитета и местного общества в целом, не являлись военными формированиями, несмотря на внешние формы организации, заимствованные от Национальной гвардии (так, викуазки выстраивают иерархию – выбирают капитана, лейтенанта и т.д.). О своей активной гражданской позиции женщины желали заявить иначе и перейти от слов к практике. Основной целью амазонок были «поддержка, утешение, материальная и духовная помощь» сиротам, бедным, неимущим вдовам, заключенным, а также поддержка и популяризация решений Национального собрания, то есть миссии милосердия и просвещения.

Капитаном викуазского «легиона» была избрана никто иная, как Катрин-Элизабет: «...появляется имя мадам Барер де Вьезак: она избрана капитаном легиона амазонок, но снимает с себя эту ответственность (не подписывает никаких документов). Очень вероятно, что речь идет о молодой супруге депутата Третьего сословия из Тарба, Бертрана Барера, и ее участие, пусть даже сдержанное, в собраниях женщин придает созданию легиона характер высшей степени символический. С одной стороны, мадам Барер - жена известного уже депутата, с другой - дворянка она свидетельствует о причастности местной знати к учреждению амазонок...»

В примечаниях к тексту №№ 132-133 указано, что семья Мондов, в противоположность Барерам, была аноблирована, и что это был брак по расчету (mariage de convenance).

Если бы на тот момент, в июле 1790 года, родители и родственники Катрин-Элизабет занимали *открыто негативную* позицию по отношению к Национальному собранию, выработке Конституции и прочим реформам, патриотически настроенные землячки едва ли выбрали бы ее своим руководителем. А *может быть*, ее отказ от поста косвенно свидетельствует о влиянии на нее родственников? А *может быть*, ее молчаливое присутствие на собраниях косвенно свидетельствует, что она хотела быть сопричастной интересам мужа, поддерживать его репутацию лояльного и активного политического деятеля?.. Кто знает.

P.S. Портрет, который мы поместили перед статьей, находится в Музее изящных искусств (Музее сада Массе) в Тарбе; художник не известен, картина датирована 1847 годом. Не известна и модель. Но мы и наши читатели можем пофантазировать и представить - Катрин-Элизабет, или Маргариту Ле Фоконье, или Элизабет де Брике - «маленькую племянницу», которая родилась после Великой революции...

Новые дополнения и комментарии

§ Вот как пишет об этом Жан-Пьер Тома – здесь есть некоторые разночтения со статьей:

...Тридцать лет – возраст вполне подходящий, чтобы жениться, и не абы как, поскольку это событие, о котором думают его родственники, должно увенчать столь хорошо начатую карьеру.

Само собой, не он выбирает ту, с кем ему предназначено разделить жизнь, - эта задача принадлежит семье и друзьям. Его дело только подписать контракт у нотариуса. Вокруг него суетятся, разыскивают редкую жемчужину, которая бы соответствовала тому, кто является старшим в новом поколении Бареров. Нужна особа своего ранга и даже несколько выше, особа – скажем прямо – из дворян. Действительно, в Вик-Бигорр, в трех лье к северу от Тарба, есть семья очень подходящая - Монды. Они не старые аристократы; отец на самом деле бывший королевский нотариус. Но он смог заставить себя вовремя аноблировать, имеет состояние и, главное, его жена, урожденная де Брике, доводится кузиной всей аристократии сенешальства. Как тридцатью одним годом раньше для Жана и Катлины [отец и мать Бертрана Барера], взвешиваются драгоценности, ведутся переговоры и мало-помалу сделка заключена; это произойдет 14 мая 1785.

А невеста, Элизабет де Монд-Брике, которую нареченный называет уже сердечно «Bélou», что думает она обо всем этом? На самом деле это пустяки. Она не согласна? Не то что бы, но... есть проблема? Нет, но ей нет двенадцати лет. Ничего страшного, она вырастет; позволим действовать природе. Да, странный брак; как пишет Клод Мансерон, «не прихоть ли это воображения маркиза де Сада - этот брак на самом Юго-западе Франции <...> совсем еще ребенка в возрасте двенадцати лет и адвоката почти тридцати лет? Этот брак, однако, не является каким-либо извращением, кроме извращения денег. Представитель буржуазии графства Бигорр покупает через родственников и нотариуса девственницу из той же среды. Правила брака одинаковы сверху донизу социальной лестницы. Сеньор, судейский крючкотвор, крестьянин выбирают женщину, как выбирают движимость».

Праздник длится три дня; три дня - визиты, ужины, балы, куда позаботились пригласить всех, родственников и свойственников, друзей, клиентов и знакомых. Жених приносит своей нареченной свадебные подарки, среди которых он подсунил – шутник - красивую куклу, одетую в желтый атлас! Наконец, состоится церемония, в полночь и при факелах, как того требует горская традиция. Брат жениха, аббат Жан-Пьер Барер совершает обряд; неф забит до отказа, полон племени Бареров - нотариусов, адвокатов и королевских советников, полон племени де Мондов - офицеров Королевской армии, рыцарей ордена Св.Людовика и просто мелких деревенских помещиков; наконец, здесь друзья из Тулузы, прибывшие по такому случаю. Все подписывают контракт, даже первый барон штата Бигорр, принц Жюль де Роан-Рошфор, генерал-лейтенант кавалерии, внучатый кузен князя-архиепископа Страсбурга (и по совместительству почетный член тарбской Ложи), пришедший туда в качестве соседа, сопровождаемый принцессой, чествовать молодых супругов, его в красивой одежде из красного атласа, ее - в платье черной шерсти. И веселье на всю ночь. Счастлив ли Бертран Барер? Сейчас - вероятно, да, так как он не подозревает, что этот союз будет катастрофой. Лишь много позже он скажет: «глубокая грусть сжимала мне сердце, и, когда я произносил торжественное «да», слезы невольно текли по моим щекам. Только моя матушка заметила это и после мессы обняла меня и прижала к сердцу. У нее было предчувствие, что я не буду счастлив в этом союзе, заключенном больше обычаем, чем чувством». (Катлин Барер умерла через четыре месяца после свадьбы старшего сына, 20 сентября 1785 года. В мемуарах Барер многократно говорит о том, что был очень привязан к матери, любил ее «более жизни», что между ними существовало глубокое духовное сродство, понимание и внешнее сходство. – Л.)

Обычаем? Дело скорее выгодное, если верить контракту, переданному мэтру Форкаду, виказскому нотариусу: Жан Барер и его супруга делают сына их единственным наследником, оставляя себе узурпаторство своих имуществ в течение всей их жизни, приданое трех дочерей, стоимость последних почестей и двухсот месс за помин души. Они обязываются обеспечить содержание молодой семьи и их слуг «из собственного котла и очага» в питании, апартаментах, в отоплении и в случае болезни, если те желают жить в их доме. Если это в их намерения не входит, они предоставляют им пользование правом сеньора Вьезака, к тому же ежегодную ренту в 1500 ливров. Добавим к этому безотзывный подарок Жан-Пьера Барера в 7000 ливров, «ввиду того, что этот брак для него приятен», и доход от его должности советника королевского дуайена - это для жениха. Для невесты (которая является единственной дочерью) – те же распоряжения, и в придачу – не пренебрежем точностью - муж (при условии ответственности за собственность жены) может вложить до 30000 ливров в ее имущество. Учитывая молодость новоиспеченной дамы Вьезак, контракт предусматривает, что ее муж может продолжать жить в Тулузе и оставлять супругу у ее родителей. В самом деле, не собирается же он возиться с девчонкой в салонах! После нескольких дней отдыха, возможно, во Вьезаке, каждый возвращается к себе домой, и Бертран Барер, совсем радостный, снова направляется в Парламент.

Один брак подгоняет другой. Несколькоими месяцами позже Бареры целятся еще выше. Но там роли поменялись. Юную пятнадцатилетнюю Сесиль Барер выдают за старинного друга ее отца, барона Лассалья д'Одо, действительного потомка оруженосца и спутника Генриха IV, которому уже перевалило за шестьдесят. Домашнее гнездо устраивается в прелестном замке Одо, в одном лье от Тарба, где сестра Франциска I, королева Маргарита Наваррская 21 декабря 1549 умерла, заканчивая редакцию «Гептамерона». <...> По иронии истории, надвигающаяся Революция навсегда рассорит мужа и жену, сестру и брата. (Jean-Pierre Thomas, «Bertrand Barere: La voix de la Revolution». Ed. Desjonquères. Paris, 1989. С.38-42)

Полагаю, условия контракта и приводимые Тома цифры подтверждают мое предположение о том, что основной причиной семейной катастрофы было «добровольное разорение» Барера. Вот этот эпизод (август 1789 года, «ночь чудес»):

§§ Бертран Барер, в свою очередь, бросает в костер возрождения права сеньора Вьезака и берется за самое красивое перо, чтобы информировать своих бывших вассалов:

Мои дорогие друзья,

Мне нравится так называть вас, сообщая новости, которые для меня столь же приятны, как и для вас. Жители Провинции Бигорр наказывали меня просить отмены личных феодальных прав и выкуп прав вещных. Только что великодушие и патриотизм французского дворянства дали нам это. Они принадлежат жителям Вьезака, которые пользуются ими первые. С сего момента вы вольны молоть свое зерно, где пожелаете, и никогда меж нами не возникнет возражений в этом вопросе.

Я предоставляю справедливости тех, кто сейчас ведет тяжбы, попечение о том, чтобы договориться с фермером, если только они не хотят, чтобы я закончил все споры по моему возвращении. Но любой процесс по этому предмету отныне закрыт. Мне не терпится снова увидеть вас, дабы осуществить торжественным образом справедливость, которую я вам воздаю, и долг, который я исполняю. Что касается дарения, оно столь незначительно, что не стоит того, чтоб им заниматься.

Прекраснейшим днем моей жизни будет тот, когда я, окруженный вами, подпишу свободу ваших земель и попрошу лишь остаться в доброй вашей памяти и памяти ваших детей. Хотя я не буду в дальнейшем вашим феодальным сеньором, я навсегда останусь вашим другом, вашим покровителем, защитником во всех случаях, где смогу служить вам и вашим семьям.

(Письмо находится в Архивах деп.В.Пиренеи)

Охваченный лиризмом минуты, депутат Бигорра лихорадочно вычеркивает «де», вырезанное на его красивом бюваре рыжеватой кожи. Но он слишком скромнен. В результате 14 июля 1790 кюре Вьезака с кафедры благодарит бывшего сеньора и призывает паству «просить Господа даровать многие лета депутатам Ассамблеи, которые возвратили свободу».

В сентябре того же года Бертран Барер повторяет свой великодушный энтузиазм, когда Неккер, чтобы покрыть дефицит, учреждает кассу пожертвований. Вновь он уступает Революции доход от должности советника королевского дуайена в тарбском суде. Но, отмечает он, «отдавая нации сумму в 12000 франков, что было много относительно моего состояния, я заметил, что это оказалось чересчур для скупости других судей, которые не дали государству ничего. Я был порицаем во всеуслышание моими соотечественниками, которые называли этот акт бесполезным расточительством. **Моя семья упрекала меня еще больше, наблюдая, что никто из богатых депутатов или высших магистратов не сделал подобных дарений.** Я не возвращался к этому... но начал уменьшение моего достояния».

11 августа, декретируя «полное уничтожение феодального строя», Ассамблея заставляет взорваться древнюю организацию французского королевства, но тот же день входит в Историю установлением Декларации прав человека и гражданина. Бертран Барер принял участие в составлении одной из статей по просьбе его друга, архиепископа Бордо де Сисе, «умного человека, - говорит он, - и государственного деятеля, который мог бы оказать большие услуги, если б король не сделал его министром - тем, что является могилой государственного деятеля». Эта 11-я статья - о свободе печати, тема, которая тем более его волнует, что он - вспомним об этом - одновременно журналист и депутат: «каждый человек имеет право сообщать и публиковать свои мысли, - говорит он с трибуны Конституанты 18 августа. - Закрепите же эту свободу, которая является необходимой частью свободного обращения мыслей». Но, чтобы приписать себе долю славы всего документа, он не забывает в следующем году опубликовать у Фирмена Дидо «Почин народа, или Декларация прав», который предваряет «послание к нациям». Политический деятель умеет позаботиться о своей репутации! (Там же. С.60-61)

§§§ Январь 1792. После недельной тряски по дорогам Франции, вот, наконец, и Вик-Бигорр, где он первым делом спешит засвидетельствовать почтение жене, которую не видел уже больше трех лет. Элизабет пошел двадцатый год и, согласно преданию, она стала довольно красивой. Но ее идеи - и еще более идеи ее матери - чужды ему. «Мне пришлось вытерпеть много ярости, - рассказывает путешественник, - которую мать и дочь выказывали против якобинцев и депутатов Учредительного собрания. Я считался с возрастом одной и стойкостью другой и сносил эти неудобства, неизбежные при революциях, которые разделяют семьи и ссорят самых лучших друзей». Легко представить нарекания обеих женщин на отход от традиционной религии, обиды, нанесенные королю, демократизацию учреждений, послужившую причиной того, что даже здесь столь старинная семья, как их, не пользуется прежним уважением. Все эти иеремиады начинают его тяготить, и он вздыхает уже о приятной обстановке на улице Бельшас, о беседе мадам де Жанлис, о взрывах смеха Памелы [Фрагменты книги и статьи Моник Сертья, посвященные мадам Жанлис и Памеле, я приведу в другом месте. - Л.]. Зачем его занесло на эту провинциальную галерею? Сославшись на дела, которые надо уладить в Тарбе, он вежливо прощается и устремляется на несколько лье ниже, где его ждет совсем другой прием. По его прибытии тарбские якобинцы, сопровождаемые Национальной гвардией, устремляются вперед, распахивают дверцы кареты и несут его с триумфом до площади Мобурге. Целый час заполнен лишь лобызаниями, слезами, речами, всевозможными излияниями и рукопожатиями.

Пребывание здесь продлится около семи месяцев, в течение которых бывший депутат развивает бурную деятельность для укрепления веры соотечественников в Революцию. Проезжая по главным дистриктам департамента в компании одного журналиста, которому поручено составлять отчеты о выступлениях (отметим мимоходом «профессионализм» политика), Бертран Барер разъясняет смысл введения ассигнатов, побуждает организовать похоронную службу в память Мирабо, сажает почти везде деревья свободы, спешит обнять жителей Въезака, вручает с помпой триколор батальону молодых волонтеров и, главное, основывает в Тарбе клуб революционеров, в подражание парижским якобинцам.

В этом завоевании умов он опирается на собственную семью. Клан Бареров идет в фарватере, вовлеченный в Революцию; брат Жан-Пьер, наместник епископа, был первым священником департамента, торжественно сложившим сан, его примеру последовал кузен Жан, кюре Сен-Севера. Первый стал судьей в Тарбе, второй - командиром батальона добровольцев Верхних Пиренеев, с которым он вскоре оказался в Париже. (Там же. С.85-86)

§§§§ Над подтверждением или опровержением этих фактов пришлось потрудиться. И вот что обнаружилось: «Господин Рекамье, тем не менее, ускользнул, как и семья его жены, от революционной бритвы, и это счастье приписывали, по большей части, защите Барера» (Воспоминания и письма мадам де Рекамье. Т.1. Париж, 1876. С.12). Не очень внятно, но это замечание принадлежит издателю, как я понимаю, которого в сочувствии Бареру заподозрить трудно. А Тома приводит по книге Эдуарда Эррио (Herriot) «Мадам Рекамье и ее друзья» (Париж, 1929) эпизод, когда на одном из «блистательных обедов» Шатобриан, заинтересованный собеседником, спрашивает у хозяйки, кто же этот замечательный человек, явно принадлежащий Старому порядку и ничуть не похожий на этих неистовых республиканцев? И Жюльетта тактично «забывает» имя Барера, отвечая, что это один из корреспондентов ее супруга. Тот факт, что Барер - в пору, когда его отовсюду гнали - присутствовал на «блистательном обеде» у Рекамье, о чем-то да говорит.

С Эрманом же вышел настоящий анекдот. Клавесинист этот преподавал в Национальной школе музыки, давал концерты и не отказывался от частных приглашений, например, к Дюпену и Бареру, где он познакомился с Жоашеном Вилатом и, любопытства ради, в один прекрасный день попросил его отвести на заседание Революционного трибунала (воздержусь от комментариев относительно такого способа развлечения музыканта и бывшего придворного). В Трибунале среди зрителей нашелся ревностный секционер, который тут же изобличил Эрмана как «врага народа», прислужника австриячки, мюскадена и проч. Несмотря на протесты Вилата и попытки встать на защиту, клавесиниста арестовали и отправили в Консьержери. Однако он проявил большое присутствие духа, представил свое свидетельство о гражданской благонадежности, ссылаясь на знакомство с такими кристально чистыми патриотами, как Дюпен и Барер, к тому же депутатами Конвента, и Вилатом, доказывая, что живет исключительно уроками музыки, и в результате был оправдан и отпущен на свободу. Так излагает факты А.Дюнуайе в книге «Двое судей Революционного трибунала. Вилат, "щеголь"» (Paris, Perrin, 1909. С.107-110). Какое влияние оказал Барер на ход этого дела, вряд ли мы когда-нибудь установим точно.

§§§§§ A вот еще эпиграмма, из некоей газеты. Подстрочник я не стала приводить, а сделала вольный перевод:

Barère, seigneur de Vieuzac
A plusieurs pièces dans son sac,
Aujourd'hui pour la République,
Ce caméléon politique.
Fut royaliste et feuillant, in,
Dieu vous préserve de sa fin.
Notre politique impuissant
Ne répugne à rien, mais souvent,
A ce tigre couleur de rosé,
De courage il manque une dose.
Pour peindre en deux mots ce vaurien,
Le Barère est tout et n'est rien.

Барер Въезак на каждый случай
Речей хранит в портфеле кучу:
Республиканец – нынче он,
В политике хамелеон,
Был он фейяном, роялистом,
Храни вас боже от нечистых.
Политик немощный, беззубый,
Ничем гнушаться он не будет.
Частенько в тигре цвета розы
Нет мужества единой дозы.
Как вкратце описать его? –
Барер есть все и ничего.

§§§§§ Мне всегда интересно, кто же упоминается в связи с персонажами, даже вскользь (круг общения обязательно расскажет о человеке, и немало)... Кстати, интересная тенденция во французской литературе – возврат к отдельному написанию «Ла» и «Ле», мне попался даже «Ла Файет». А вот автор статьи сделал из Ла Ромигьера просто Ромигьера, из-за этого мы с коллегами не сразу отыскали, о ком же идет речь.

Жан-Пьер Ларомигьер (или Ла Ромигьер - Laromiguiere) – философ с уклоном в психологию и социологию, уроженец Ливиньяка, профессор в университете Тулузы и в Эколь Нормаль. Имя, широко известное не только французам, но и зафиксированное в наших словарях (см., к примеру, «Кругосвет» - <http://www.krugosvet.ru/articles/67/1006749/1006749a1.htm>). Оценивают его по-разному: Лависс и Рамбо – несколько пренебрежительно, Ип.Тэн же называет в числе «величайших мыслителей 19-го века».

В это время Ларомигьер, родившийся в 1756 году, почти во всем покорно следовавший Кондильяку, просто, отчетливо и изящно, иногда даже с воодушевлением излагал классическую тогда доктрину, известную под именем сенсуализма. Он был гораздо менее глубок, нежели Мэн де Биран, да и не претендовал на это, и гораздо более ясен, что, впрочем, не может быть поставлено ему в особенно большую заслугу. Он обладал всеми свойствами хорошего профессора и некоторыми из свойств большого писателя. Можно также сказать, что он обладал всеми качествами, какие обыкновенно присущи последним представителям стареющей школы: убежденностью без упрямства, мягкостью в споре, умением искусно или искусственно смягчать все слишком прямолинейные или оскорбительные стороны доктрины и закруглять все углы, наконец, вкрадчивым искусством вульгаризации. Доктрины сходят теперь со сцены (но, впрочем, потом вновь появляются), как человек уходит из гостиной, заметив холодность к себе, — с досадой, если он глуп, и с вящей учтивостью, если он умен: любезный Ларомигьер был человеком второго рода. (Э.Лависс, А.Рамбо. История XIX века. Т.1. Ч.1. Время Наполеона I. 1800-1815. Глава IX. Французская литература. 1799—1810. Философы)

Что мне кажется интересным, так это то, что Ларомигьер – продолжатель сенсуалистского направления Этьена Бонно де Кондильяка, в то же время «предшественник спиритуалистической метафизики во Франции». Воззрения друга отчасти проливают свет и на воззрения Барера, которые, наверное, у него все же были.

Луи Дезире Верон тогда был действительно очень юным (он родился 5 апреля 1798 года). Личность весьма занятая! Бросив занятия медициной, он окунулся с головой в театральную-журналистскую жизнь Парижа. Основатель «Ревю де Пари» (1829) и редактор «Конститусьонель» (1838-1852), он тесно связан с Эженом Сю и Шарлем Сен-Бевом. Театральный критик и директор Опера (1831-1835). Автор пятитомных «Воспоминаний парижского буржуа», изданных в 1856 году и охватывающих период с 1799 по 1852 гг. В одной из глав первого тома Верон описывает наиболее популярные рестораны и кафе, в том числе **кафе Демар на углу улиц Бак и Университета...**

У Тома разговор между Ларомигьером и Барером описан несколько в другом ключе (со ссылкой на того же Верона, по-видимому, том второй – 1814 год):

Когда на следующий день Луи XVIII вступает в Париж, второй раз официально садится в разряженную карету, окруженный и, как всегда, сопровождаемый всевозможными войсками, от шотландцев в кильтах до замечательных казаков, которые становятся лагерем на Елисейских полях. Как и в 1814, Бертран Барер находится там в обществе своего друга, философа Пьера Ларомигьера, когда юный Верон удивляется их разговору.

- Это действительно невероятно, - говорит Ларомигьер, - два дня тому назад, народ носил нас с триумфом.

- Народ, - возражает Барер, - всегда возбужден лихорадкой момента. Он нас носил с триумфом два дня тому назад, а сегодня оскорбил бы, растерзал бы, если б мог. Это потому, что мы им слишком пренебрегали, и от падения к падению - вот результат. Я часто говорил, что контрреволюция началась 9 термидора, я был прав.

И поворачивается к Верону, который его слушает, очарованный:

- Вы увидите другое - вы, кто молод. (Там же. С.286)

§§§§§§§§ Этой ночью господин де Вьезак по-настоящему стал Бертраном Барером. Вот знак, которым он будет отмечен до конца жизни в качестве цареубийцы. Видит ли он снова картины последних дней? Вспоминает ли обещание, данное им жене, там, так давно, - никогда не касаться священной особы короля?.. Эта маленькая ветреница, что она понимает в великом политическом жесте, только что сделанном. Что он скажет? Возможно, лучше молчать. Он не знает, что каждое утро Элизабет де Вьезак ходит к подруге детства, мадам де Лабордер, читать газеты. В тот день, рассказывает современник, когда она увидела имя своего мужа среди цареубийц, она упала без чувств. Придя в себя, она сказала только: «Никогда не говорите мне о нем».

И впоследствии при ней избегали произносить его имя, а когда это было вынуждено серьезными причинами, она испытывала тягостное впечатление, которое продолжалось часами. (Там же. С.113-114)

Что касается эпизода с возвращением в Вик, таковой у Тома отсутствует. Но есть другой, относящийся к отъезду Барера в апреле 1789 года в Париж, в качестве депутата Генеральных штатов:

В Вик-Бигор - задержка. Неприятность? Нет, это девушка шестнадцати лет делает знак остановиться. Путники выходят, и мадам де Вьезак делает реверанс своему мужу-депутату и протягивает букет полевых цветов. Очарованный ее любезностью, он нежно обнимает ее, прежде чем дать сигнал к отправлению. И поездка продолжается. В течение семи дней четверо мужчин – вместе с присоединившимися вскоре депутатами пересекаемых провинций – не только обмениваются любезностями. Барон де Гоне критикует двор, тогда юре Ривьер, принадлежащий к высшему духовенству, думает о том, как бы не остаться в меньшинстве, Дюпон и Барер де Вьезак опротестовывают свою приверженность трону и алтарю. Все к лучшему в этом лучшем из миров, и бывший член коллегии адвокатов Тулузы отмечает в своем журнале, глядя, как идет кампания Франции: «О, все будет в порядке в этой прекрасной ассамблее, если личный интерес и предубеждения не помешают прислушиваться к разуму, справедливости и природе». (Там же. С.51-52)

«Ставни закрыты»... При первом чтении я посчитала это просто за поэтический образ. Оказалось, все прозаичней – это был условный знак.

Теперь, когда Его императорское величество окончательно его отпустил, Бертран Барер не чувствует себя более связанным с режимом и, под давлением финансовых трудностей разного рода, решает вернуться в Пиренеи, чтобы попытаться спасти от катастрофы последние крохи своего исчезнувшего состояния. На этот раз никто его не хватает за рукав, он пускается в дорогу в последние дни **1805 года**. [В статье – другая дата. – Л.]

Но что творится в его голове, когда он, отбросив всю свою сдержанность, снова пишет жене и спрашивает, примет ли она его? Между тем он осторожен и уточняет, что, если ее ответ положительный, ставни дома должны быть открыты, когда будет проезжать парижский дилижанс.

Рыдван с грехом пополам пересекает без препятствий Орлеан, Тур, Пуатье, Бордо, все те же обычные этапы, которые доказывают, в конечном счете, что императорская почта функционирует так же, как почта Республики и даже королевская почта. За полями Адура, за последними холмами Арманьяка вдалеке показалась цепь Пиренеев с заснеженными вершинами и Тарбской равниной у их подножий. У бывшего децемвира немного покалывает сердце при мысли, что вот уже ровно тринадцать лет он не видел родной край. Наконец, вот и Вик-Бигорр. Его взгляд лихорадочно отыскивает дом Мондов, и на память ему приходят, вероятно, беглые картины 1785 года, этого конца правления Луи XVI, когда он с друзьями, в большом кортеже с флейтами и тамбуринами, искал свою нареченную... Оконце на чердаке, ставни на всех фасадах закрыты, и ворота заперты на засов. Путник вздыхает и следует в Тарб. (Там же. С.266-267)

§§§§§§ Благодаря книге Тома мы можем внести больше ясности в этот вопрос. Маргарита – парижанка из мелкобуржуазной семьи. В 1815 году ей 36 лет, она не замужем, у нее пятилетний сын по имени Анри (родился 10 ноября 1810 г.). Когда она появляется в жизни Барера? Был ли Анри их сыном? Историки не берутся утверждать что-либо наверняка; как подчеркивает Тома, наш персонаж умел скрывать от посторонних глаз свою личную жизнь. Моник Сертья в статье «Женщины в жизни Барера» предполагает, что знакомы они были давно, поскольку Барер принимал участие в судьбе матери Маргариты еще во времена Комитета общественного спасения... Достоверно то, о чем я говорила в первом комментарии: Маргарита разделила изгнание Барера, с ним вместе вернулась в Париж осенью 1830 года и затем поехала в Тарб. Моник Сертья приводит еще любопытный факт: формально, юридически, м-ль Ле Фоконье была «домоправительницей» Барера, и по контракту, заключенному у мэтра Далеа в 1834 году, за ее «услуги» в Бельгии, Париже и Тарбе с июля 1815 года Барер признавал себя обязанным выплатить ей 7800 франков, что являлось «слабой компенсацией». Очень может быть, контракт этот должен был служить защитой Маргариты и ее сына, потому как в это время шла тяжба из-за наследства по иску сестер и брата Барера.

Автор статьи допускает ошибку: Маргарита, заболев воспалением легких, ушла из жизни несколькими месяцами раньше Барера, 1-го сентября 1840 года. 7-го сентября Барер пишет Мерсье:

Меланхолия, наполнявшая последние мои письма, была ничем иным, как предчувствием несчастья, на меня обрушившегося. Я потерял, после страданий из-за воспаления в груди, мою подругу по изгнанию, которая, будучи еще молодой, разделила со мной опасности, горести и превратности ссылки... Вы отметили героическую стойкость мадам де Лавалетт. Ее мужество – это мужество двадцати четырех часов. Моя подруга проявляла мужество непрестанно пятнадцать лет, во время проскрипции и в этих краях, где семейные распри <...> оказались губельны. Моя утрата невозместима, это моя смерть; я жил слишком долго... Без сомнения, нужно повиноваться законам провидения...

Я не могу долго писать. Сожаления меня изводят, рыдания меня душат; как печально одиночество в моем возрасте... Пользуйтесь домашним счастьем долго; для меня же все кончено.

Анри с 1830 г. находится при них неотлучно – «очень привлекательный молодой человек», который, по-видимому, никогда не вышел за пределы мещанской среды, из которой происходил. И чтобы помочь в издании рукописей Барера, Анри просто-напросто не хватило бы образования. Однако, завещая свои бумаги Ипполиту Карно и Давиду д'Анже, Барер напоминает им (письмо от 7 марта 1838 года – еще при жизни Маргариты):

Что касается лиц, которые лелеют мою старость с постоянной и ласковой заботой (Маргарита и Анри), я буду уверенными, умирая, что, следуя вашим обещаниям и вашей нравственности, вы разделите с нею результат издания и продажи автографов. (Тома. С.315-316)

Семь тысяч восемьсот франков Барер так и не выплатил, ни Маргарите, ни Анри, у него их не было, видимо (22000 франков от продажи отсуженного, в конце концов, родительского дома пошли на оплату судебных издержек и житье-бытье в квартирке на площади Мобурге), но Анри получил по завещанию всю «движимость, недвижимость, письма, ренты, договоры, книги, заметки и рукописи» и так далее. Суммы в 100-200 франков Барер завещал беднякам Въезака, Семеака, заключенным тарбской тюрьмы, больнице, нуждающимся семьям, нищим – в общей сложности около 1000 франков. К теме это прямого отношения не имеет, но тоже интересно.